

ЖАН-РИШАР БЛОК

Франция

Из книги

«Москва — Париж»,
1946 г.

■
ЖАН-РИШАР БЛОК (1884—1947) — известный французский писатель, публицист и общественный деятель. В годы второй мировой войны жил в СССР, регулярно выступал по московскому радио.

На русский язык переведены его романы: «... и компания», «Сибилла», документальные повести «На грузовом пароходе», «Земляные орехи и бананы», публицистическая книга «Испания! Испания!» и др. Фрагменты книги «От Франции, которую предали, и Франции борющейся», за которую посмертно писатель был удостоен Золотой медали мира, напечатаны в «Иностранной литературе» (№ 5, 1975).

■ Я ВИДЕЛ БУДУЩЕЕ ■

18 декабря 1944 года. Три с половиной года мы жили той суровой, напряженной жизнью, какую жил тогда этот великий народ.

И вот я уезжаю домой.

Сталинград

Мы пролетаем над местом, где развернулось самое грандиозное за всю историю человечества столкновение двух армий — Аустерлиц гигантов.

Внезапно поле битвы, все целиком, предстало перед нашими глазами. Вон та широкая, светлая, скованная льдом, извилистая лента — это Дон. А вот место, где Красная Армия с севера форсировала реку. На высоком, крутом южном берегу, который она атаковала, повсюду видны следы укреплений. Снег словно ошметинился бесчисленными колючими черными треугольниками воронок, которые кажутся еще глубже от залегшей в них тени.

По мере того как мы снижаемся, многое вырисовывается яснее и четче. Вон тот холм неясных очертаний оказывается кладбищем грузовиков и пушек. А эта гора — кучей сбитых «юнкерсов».

Далеко кругом, насколько хватает глаз, разбитые грузовики, витки колючей проволоки, наглядные свидетельства жестоких боев. Ведь это здесь были постепенно окружены, отеснены, зажаты в кольцо побежденные Красной Армией, морозом, голодом дивизии фон Паулюса; здесь они бились в агонии. На этом клочке земли огромные транспортные «юнкерсы» пытались приземляться и взлетать. Их обломки валяются здесь, смешавшись с тем, что осталось от людей, которых ненасытная, алчная гитлеровская Германия послала сюда умирать.

Я шагаю по земле, взбугрившейся от трупов. Здесь чашу страданий испили до дна. И хотя фашисты узнали те муки, какие по их милости испытала Европа, все же они не понесли должного наказания за лагеря смерти, где сотни тысяч людей еще обречены на медленную гибель.

...Снова мы в воздухе. Самолет делает широкий вираж, и мы пролетаем над самим Сталинградом. Огромный город узкой полосой протянулся вдоль берега Волги. На первый взгляд, залитый щедрым южным солнцем, он кажется нетронутым войной. Величественно вздымаются многоэтажные дома. Но присмотритесь! Это не дома, а всего лишь стены. И каждая стена — лишь гигантская решетка с зияющими дырами окон, сквозь которые беспрепятственно проходят солнечные лучи.

Из восьмисот тысяч жителей города вернулись только шестьдесят тысяч, и они сразу взялись за восстановление заводов, порта, больниц, школ, всюду выросли леса строек...

...Но вот праздник света угасает. Яркие краски жизни уступают место пепельно-серым, мрачным тонам холодного мрамора. Мы погружаемся в ночь. Самолет продолжает свой путь в ледяной мгле.

Баку

Этому городу повезло. В нем, выгодно контрастируя, легко сочетаются и смешиваются русский и восточный стили. Живописные старинные кварталы окружены прекрасным современным городом с величественной архитектурой. Я полюбил Баку десять лет назад и сейчас вновь испытал то же восторженное чувство, лоя в конце каждой улицы и на обеих оконечностях широкой бухты дыханье близкой пустыни.

Она подходит к самому городу, к самому морю, придавая им цвет львиной шкуры и накладывая на них отпечаток сурового величия. Она-то, в конечном счете, и определяет неповторимость Баку.

Итак, мы покидаем страну, где каждый призван трудиться в общих интересах; страну, где каждый юноша, каждая девушка может выбрать свое место в жизни, взяться за любую роль в гигантском коллективном строительстве общества; страну, где всегда нужны инженеры, техники, артисты, производители любого вида продукции; страну, где такие понятия, как личная выгода, борьба за прибыли, конкуренция в торговле, мало-помалу растворяются в тумане прошлого и в конце концов неизбежно будут преданы забвению.

Молодое поколение советских людей теперь уже знает, что в мире существуют миллионы парней, которым далеко не просто зарабатывать на хлеб, расхваливая на всю улицу свой товар: одни продают шурки, другие лезвия, третьи — газеты или почтовые открытки; и всю свою энергию, все душевные силы они вкладывают в то, чтобы переманить у соседа клиента, выгадать несколько су за счет веса, качества, количества товара, надуть покупателя, не забывая надуть поставщика и заимодавца, — короче говоря, их лихорадочная и бесплодная жизнь сводится к неустанной борьбе, полной всяческих уловок и темных махинаций, диктуемых бизнесом.

О Максиме Горьком

В конце июня 46-го общество «Франция—СССР» собрало парижан в зале Плейель на вечер памяти Горького. Вести собрание неожиданно пришлось Вильдраку вместо Дюамеля, который приехать не мог. Йоннель из «Комеди франсэз» великолепно прочел одну из сказок великого писателя, заслуженно встреченную взрывом аплодисментов. Затем Шарль Дюллен талантливо, как всегда, исполнил другую, не менее чудесную сказку. В конце вечера был показан фильм — первая (великолепная) часть трилогии, которую советские кинематографисты посвятили жизни Горького. Заметим кстати, что это блестящий пример подлинно просветительской роли кинематографа; правда, для этого необходим общественный строй, где капитал не является всемогущим и где прибыль не стоит во главе угла.

Меня попросили произнести небольшую речь. Вот она.

К X годовщине со дня смерти Горького

«Милые, умолкшие голоса...» Эта строка Верлена звучит в нашем сознании и наших сердцах как отзвук тех молчаний, что мы так остро ощущаем вокруг! Нам кажется, что мы в плену шума, пустых слов, треволений... Но напрягите слух, вслушайтесь в бездны, взвесьте пустоты, осмыслите то, чего уже нет, и осознайте, что на самом деле мы идем через пустыню, населенную немymi призраками — призраками тех, кто покинул нас посредине пути.

Во время той войны, когда голос Ленина еще не дошел до нас, мы часто задавали себе вопрос: «А что сказал бы Пегги? А как поступил бы Жорес?» В отчаянии мы вызывали к жизни этих великих свидетелей событий своего времени, чьи голоса заглушала могильная плита.

Вот уже сорок лет ученые спрашивают себя: «А как бы Кюри объяснил этот феномен, продолжил этот опыт, развил эту гипотезу?»

То, что мы называем богатством, — всего лишь крохи, доставшиеся нам с праздничного стола. И среди всех умолкших голосов невосполнимее, тяжелее всего — молчание Горького. Из всех милых нашему сердцу, угаснувших людей он — самый великий. Ведь он столько мог бы еще нам сказать! Какие гениальные сказки мог бы еще сложить этот мудрый волшебник к нашей радости и наслаждению!

Русский народ льнул к Горькому, видя в нем свое возвышенное отражение, слыша эхо собственной совести, узнавая легенду о себе самом.

Горький с гневом и любовью, яростно и нежно выписывал образы тысяч и тысяч простых русских людей. Он показывал внутреннее духовное богатство русского человека, которое не могло раскрыться в те тяжелые времена, когда народ этот, не обретший еще свободы и силы, не ставший еще хозяином своей судьбы, грязный, невежественный, униженный, потерявший надежду, не осознавал, какие в нем скрыты сокровища.

И когда русский народ освободился, когда он разогнулся, встал во весь рост в порыве мучительного обновления, которое мы именуем революцией, Горький всегда оставался на его стороне, до конца разделяя его беды и тревоги.

Царизм, капитализм, буржуазная олигархия не знали более последовательного и безжалостного врага.

А теперь я хочу рассказать, как я видел Горького.

Двенадцать лет назад, летом 1934 года, пятьдесят иностранных писателей съехались в Москву, чтобы присутствовать в качестве гостей на съезде, где впервые собрались писатели — представители шестидесяти народностей Советского Союза.

Максим Горький открыл съезд большой речью и вел все заседания. На фоне гигантского красного полотнища, натянутого позади трибуны до самого потолка, рядом с портретами Ленина и Сталина висел огромный портрет писателя. Модель, сидевшая у ног собственного изображения, казалось, была специально уменьшена для удобства собравшихся. Они имели полную возможность в течение трех недель, пока на съезде шли прения, сравнивать живого человека с его изображением и пытаться постичь секрет его интеллектуальной и писательской мощи.

Как он мне близок! Немногие люди достойны своих портретов. Горький же принадлежит к той редкой, привилегированной породе людей, которые всегда верны себе: ни стеснительность, ни ложный стыд, ни преувеличенная скромность или церемонность, ни комплекс неполноценности или комплекс превосходства не меняют, не деформируют их.

Я только что употребил производное от «привилегии» и понял, что здесь это слово неуместно. Ни Горький, ни, скажем, Уитмен не обладали «привилегиями» от рождения. Скорее это можно назвать победой гордости над униженностью, свободы над рабством, могучего духа над нашим убожеством...

Я гляжу на него во все глаза. Этот худой человек уже не первой молодости, много лет подтачиваемый болезнью, — воплощение негибкой силы. Он словно сделан из сердцевины нестареющего дуба. Еще достаточно густые волосы; пышные, как у парижского рабочего, усы; насмешливо вздернутый нос, лукавые, с огоньком глаза; смуглолицый, ширококостый, высокий — неужели в этом человеке неумолимо работает разрушительная сила? И однако, он болен. Туберкулез.

Речь Горького осталась не только в собрании его произведений — она навсегда останется в нашей памяти как свод задач литературы социалистического общества. В тот день Горький скрепил новый союз между обществом и художником.

...Едва появившись на трибуне, Горький сразу покорила зал своим авторитетом и независимостью суждений. Стоило ему начать говорить, как вспыхнули прожекторы, защелкали фотоаппараты. Он прервал речь и с напускным возмущением, в котором проскальзывало озорство, но слышались и повелительные нотки, воскликнул: «Потушите эти свечи! Да потушите же эти свечи!»

В этом неожиданном возгласе вдруг проявился народный юмор; зал оживился, раздался смех. Горький тоже смеялся, продолжая что-то бурчать, — он возобновил речь, лишь когда несчастные фотографии ретировались.

Неожиданно выступление Горького было прервано приступом кашля. И он сразу сделался растерянным и больным. К нему подошел кто-то из президиума. Вместо полновзвучного, усиленного микрофоном голоса, единовластно царившего в огромном зале, теперь слышались перешептывания, точно в комнате больного. Собравшихся охватило волнение и беспокойство. Тогда кто-то громко объявил, что Горький просит, чтобы в зале не курили...

Необычный съезд

(Отрывки из стенограммы импровизированной конференции, состоявшейся в Советской России в августе 1934 г.)

Давайте перенесемся в Париж, в Латинский квартал или в Бельвиль, в среду французских рабочих или французской интеллигенции. Меня спросят о впечатлениях от поездки в СССР. Вот что я им отвечу:

«В мае или в июне я получил приглашение на съезд; составлено оно было крайне лаконично: «Вы приглашаетесь на съезд советских писателей...». Я понятия не имел, что это такое.

Наши товарищи в Советском Союзе и не подозревают, до какой степени неизвестна информация о духовной жизни их революционной, обновляющейся страны, которая появится в нашей французской прессе...

Атмосфера на съезде была чрезвычайно серьезная.

Советский Союз унаследовал от царизма огромную колониальную империю, населенную множеством угнетенных народов, часть которых насильно подвергали русификации. В этой связи одна из главных задач революции в области культуры состояла в том, чтобы вернуть многочисленным народам России их духовную, языковую, литературную автономию — вернуть им их душу.